

Дмитрий ДАВЫДЕНКО,
юрист коллегии адвокатов
«Муранов, Черняков и партнеры»,
директор Института международного
частного и сравнительного права,
Александр МУРАНОВ,
управляющий партнер коллегии адвокатов
«Муранов, Черняков и партнеры»,
член Центрального совета
Ассоциации юристов России,
к. ю. н., доцент кафедры международного
частного и гражданского права
МГИМО (У) МИД РФ

ПАТЕНТНЫЕ ПОВЕРЕННЫЕ, АДВОКАТЫ И ПРОЧИЕ ЮРИСТЫ: РОССИЯ КАК «ЗАПОВЕДНОЕ ЦАРСТВО ПАРАЛИГАЛОВ»

30 декабря 2008 г. Президент РФ подписал Федеральный закон № 316-ФЗ «О патентных поверенных», который, среди прочего, устанавливает порядок аттестации, регистрации патентных поверенных и контроля за их деятельностью.

В качестве патентного поверенного может быть аттестован и зарегистрирован гражданин РФ, который: 1) достиг возраста 18 лет; 2) постоянно проживает на территории Российской Федерации; 3) имеет высшее образование; 4) имеет не менее чем четырехлетний опыт работы в сфере деятельности патентного поверенного в соответствии со специализацией, применительно к которой гражданин выражает желание быть аттестованным и зарегистрированным в качестве патентного поверенного.

Новый закон неплохо урегулировал деятельность пусть и не очень большой (немного более 1000 человек, т.е. в десятки раз меньше, чем количество адвокатов), но важной категории лиц, которые оказывают в России в том числе юридические услуги. Его принятие — само по себе позитивное событие.

Однако если посмотреть на данный закон в более широком контексте правового регулирования юридических услуг в России, то картина получается весьма странная. Оказывается, что российское право предусматривает фрагментарные требования к оказанию юридических услуг: некоторые такие услуги могут оказывать только лица, соответствующие установленным законом квалификационным признакам, тогда как все остальные услуги — любые лица.

Возникает закономерный вопрос: почему требования в отношении получения высшего образования, наличия определенного минимального опыта работы в соответствующей сфере и т.д. в отношении тех, кто по поручению заинтересованных лиц ведет дела с федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности, выдвигаются, а в отношении остальных лиц, которые могут браться за ведение не менее сложных дел, они вообще отсутствуют? Существующее положение дел противоречит логике. Логично было бы предъявлять специальные требования не только к лицам, оказывающим такие особые виды юридических услуг, как услуги патентных поверенных, нотариальные услуги, но установить также и общие квалификационные требования ко всем лицам, оказывающим правовые услуги на постоянной профессиональной основе за плату. Неужели постоянное взаимодействие с федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности является более значимым видом юридических услуг, нежели, например, постоянное представительство интересов клиентов в арбитражных судах?

В существующей сегодня ситуации создается впечатление, что для государства имеет значение качество только некоторых юридических услуг (нотариусов, патентных поверенных, адвокатов), тогда как качество остальных юридических

услуг для него безразлично. Это равносильно тому, как если бы, например, стоматологией были вправе заниматься только квалифицированные специалисты, а все прочие медицинские услуги — терапевтические, хирургические и т.д. — мог бы оказывать любой желающий! Можно себе представить, какой был бы общественный резонанс, если бы регулирование оказания медицинских услуг было именно таким. А вот в сфере юридических услуг такая ситуация существует, и она многими считается нормальной.

Но разве можно назвать нормальной ситуацию, когда ведение одной и той же по своей природе профессиональной деятельности по оказанию юридических услуг для одних лиц обусловлено требованиями получения и поддержания соответствующего статуса (того же статуса адвоката), соблюдением правил профессиональной этики и иных требований, в то время как другие могут заниматься ею, не обременяя себя такими заботами? Имеет ли тогда смысл контролировать деятельность тех, кто данный статус получил? Это равносильно тому, чтобы контролировать переход государственной границы в специальных пропускных пунктах только в отношении некоторых лиц, а саму государственную границу оставить открытой...

Только западный юрист гордится принадлежностью к саморегулируемому профессиональному сообществу, рассматривая ее как подтверждение своей квалификации, а среднестатистический российский юрист, получающий плату за свои услуги, гордится тем, что держится особняком и ни за что не отвечает.

Российских юристов в настоящее время можно разделить на две категории: одни обязаны гарантировать всем качество своих услуг, но не могут гарантировать положительный исход вводящихся ими дел, тогда как другие, не будучи обремененными необходимостью соблюдать этические ограничения, обещают обеспечить положительный исход любого дела, но никому не гарантируют качества своих услуг. Многие даже не задумываются о парадоксальности такой ситуации.

Вот уж действительно, широка натура российского юриста! Он убежден, что уж он-то не впишется ни в какие международные, да и в любые другие стандарты. Он готов бороться за то, чтобы никто не мог упрекнуть его в том, что его профессиональный статус подтвержден и что он подчиняется каким-либо профессиональным стандартам.

Поощряет ли такое положение тех, кто выбрал оказание юридических услуг своей профессией, к тому, чтобы подчинять себя ограничениям, связанным с адвокатским статусом? Напротив, такая правовая

политика отталкивает юристов от вступления в адвокатское сообщество, поощряет их к тому, чтобы держаться «в тени».

Вероятно, российские юристы, избегающие адвокатского статуса, рассматривают необходимость подчиняться каким-либо требованиям этики и стандартам качества не иначе, как умаление собственного достоинства.

Одним из достоинств нового регулирования патентных поверенных называют то, что оно способствует развитию единого сообщества лиц, оказывающих услуги в отношении интеллектуальной собственности. Но достаточно ли этого закона? Разве не нужно способствовать формированию единого сообщества лиц, которые оказывают вообще любые юридические услуги на постоянной профессиональной основе за плату?

Российская ситуация с регулированием (а вернее с его отсутствием и фрагментарностью) сферы юридических услуг разительно отличается от ситуации в подавляющем большинстве стран с развитыми правовыми системами. Оказание платных юридических услуг неопределенному кругу лиц в таких странах обусловлено наличием соответствующего профессионального статуса, образования, опыта работы. Задумаемся, что общего у западного

простодушному ребенку, который невольно выдает всем свою проделку.

В результате получается, что российские юристы обрекают себя на роль «квазиюристов» (так называемых паралигалов) в международном разделении труда. В самом деле, западный юрист, оказывающий услуги за плату — это лицо со статусом (*solicitor, barrister, attorney-at-law, avvocato, Rechtsanwalt* и т.д.), член профессионального сообщества, а российский юрист может сказать о себе лишь: «А я юрист... Просто юрист». С точки зрения установившегося в мире понимания юридической профессии лицо, которое действует в сфере оказания юридических услуг, но при этом не является, например, адвокатом и не имеет аналогичного статуса, — это «квазиюрист», паралигал. И отношение к нему в мире будет соответствующее. Устраивает ли такое положение российских юристов, не желающих подчиняться квалификационным требованиям? Очевидно, да, если судить по той позиции, которую они занимают. Либо же они просто не задумываются о своем месте в международном разделении труда, продолжая мыслить «по-местечковому». А каковы перспективы местечково мыслящих юристов в современном глобализованном мире? Более чем сомнительные.

Впрочем, и государственные деятели, которые заявляют о своей приверженности построению правового государства, а сами пренебрегают сферой юридических услуг и оставляют ее на произвол рыночной стихии, так же красноречиво демонстрируют, что их заверения о господстве права немногого стоят.

Все это на глобальном уровне подрывает авторитет и позиции России, которая остается «заповедным царством паралигалов» в современном юридическом мире. Какое впечатление создается в мире о роли права в России, если даже сами российские юристы, оказывающие юридические услуги за плату, зачастую предпочитают действовать вне правовых стандартов? Квазиюристы, квазиправо, квазигосударство...

Федеральный закон «О патентных поверенных», хотелось бы верить, является свидетельством перемен. Возможно, он станет одним из первых, пока ограниченных, проявлений новой тенденции установления в российском праве квалификационных требований ко всем лицам, занимающимся оказанием платных юридических услуг на постоянной профессиональной основе. Российскому законодателю давно уже пора пойти «от частного к общему» и принять общий закон о квалифицированной юридической помощи (юридических услугах), а не ограничиваться установлением требований только к некоторым субъектам, оказывающим такую помощь (услуги). **AG**

и типичного российского юриста и какая между ними разница. Оба они гордятся своим статусом и не променяют его на другой, но только западный юрист гордится тем, что принадлежит к саморегулируемому профессиональному сообществу, имея ввиду этого подтверждение своей квалификации, а среднестатистический российский юрист, получающий плату за свои услуги, гордится тем, что держится особняком и ни за что не отвечает.

Нежелание многих российских юристов вступать в адвокатское сообщество свидетельствует о том, что они предпочитают работать «в тени». Это четко показала дискуссия по поводу проекта федерального закона «Об оказании квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации».

Между тем юрист, который заявляет о своей способности оказывать квалифицированные юридические услуги, а сам при этом противится тому, чтобы на него распространялись стандарты их оказания, красноречиво демонстрирует, что его заверения немногого стоят. Он подобен